

УДК 81'25

СЕМАНТИКО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

© Алмаз Закиров

LEO TOSLTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA": SEMANTIC AND STYLISTIC PECULARITIES OF THE TATAR TRANSLATION

Almaz Zakirov

The article provides results of a comparative textual analysis of a number of episodes from Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" (source text) and its only existing translation into the Tatar language, which was made by Makhmud Maksud in the late 1950s. The purpose of our research is to assess the scope of M. Maksud's contribution to the national translation school of the last century, and to discover how accurate the translation into the Tatar language is. The article focuses on the scenes, describing the meetings of the two main characters of the novel – Stiva Oblonsky and Konstantin Levin. These scenes are of special interest to us due to the fact that they reflect the literary-aesthetic category of "case (event)", which we see as one of the most important structure-forming elements of the novel. In the article we focus on the so-called "translation errors", which have "crept into" the Tatar text owing to a number of objective and subjective reasons. The methodology offered by V. N. Komissarov, a well-known Russian expert in the sphere of translation theory, is used during the analysis. By checking the Tatar translation against the source text we have come to the conclusion that Makhmut Maksud's translation is quite successful, in its time it fully met readers' national needs. Certain semantic and stylistic errors, found in the translated text, by no means belittle the value of the translator's extensive work, which only indicates that any translation of fiction is a long term process, requiring repeated work with the source text. Imperfections of the first translation should be eliminated during subsequent references to the source text of the novel.

Keywords: novel "Anna Karenina" by Leo Tolstoy, source text, M. Maksud's translation, translation errors, textual analysis, style of the Tatar translation.

В статье подводятся некоторые итоги проведенного сопоставительного текстуального анализа ряда фрагментов оригинала и единственного на сегодняшний день татарского перевода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», выполненного в середине прошлого века Махмудом Максудом, с целью оценить масштабы вклада М. Максуда в национальную переводческую школу прошлого столетия, а также установить степень адекватности татарского текста произведения оригиналу. Материалом для анализа послужили эпизоды встреч двух главных героев романа Стивы Облонского и Константина Левина – в оригинале и во вторичном тексте, – оцениваемые нами через художественно-эстетическую категорию «случай» как структурообразующее начало произведения. В рамках настоящей статьи в фокусе оказались так называемые «переводческие ошибки», в силу ряда объективных и субъективных причин закравшиеся в татарский текст. Выявленные семантико-стилевые погрешности и отклонения систематизируются на основе классификации переводческих ошибок, предложенной крупнейшим российским теоретиком переводоведения В. Н. Комиссаровым. Сличение оригинала и татарского перевода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» позволяет сделать вывод о том, что перевод Махмуда Максуда оказался вполне успешным, в полной мере отвечавшим национальным читательским требованиям своего времени. Наличие ряда смысловых и стилистических ошибок в тексте перевода отнюдь не умаляет достоинств масштабной работы переводчика, а лишь свидетельствует о том, что всякий перевод художественной прозы – процесс длительный, не одномоментный, требующий неоднократного обращения к оригиналу. Недочеты первого перевода должны быть устранены при последующих обращениях к первоисточнику произведения.

Ключевые слова: Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», оригинал, перевод М. Максуда, переводческие ошибки, текстуальный анализ, стиль татарского перевода.

Единственный существующий на сегодняшний день татарский перевод романа Льва Толстого «Анна Каренина» был выполнен писателем и переводчиком Махмудом Максудом в конце 50-х гг. XX века. Вскоре после выхода книги «Анна Каренина» на татарском языке в 1960 г. (примечательно, что издание романа на татарском языке было приурочено к 50-летию со дня кончины великого русского писателя) в журнале «Совет эдэбияты» (июнь, 1961 г.) публикуется статья татарского критика Гази Кашшафа «Культурабызга зур хэзинэ» («Большое сокровище для нашей культуры») (Перевод наш – А.З.), посвященная переводам ряда произведений Л. Н. Толстого на татарский язык. В этой статье автор оценивает труд М. Максуда не иначе, как «литературный творческий подвиг». В своем отзыве Г. Кашшаф не скупится и на другие яркие эпитеты и хвалебные слова в адрес М. Максуда. Спустя время в целом высокую оценку получил перевод М. Максуда и со стороны известного казанского толстоведа О. Х. Кадырова (см. об этом подробнее [Кашшаф], [Кадыров]).

В рамках данной статьи нами предпринимается попытка рассмотреть эпизоды случайных встреч героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в переводе произведения, выполненном М. Максудом. Ставится проблема оценки степени адекватности текста на татарском языке оригиналу. Начнем с того, что перевод М. Максуда можно назвать вполне состоявшимся, выполнившим прагматические задачи переводческого акта. Он соответствует национальным читательским требованиям середины XX века. Сопоставительный анализ текста оригинала с текстом перевода показывает, что эпизоды с художественно-эстетической категорией «случай», которая является основным предметом нашего исследования, переведены без существенных смысловых и художественных искажений. Переводчик не нарушает смысловую и художественную структуру произведения, он добросовестно доводит до своего читателя основную идею произведения, его смысл и художественные достоинства. Не нарушена также толстовская система ключевых определений и образов в структуре повествования. К таковым, еще раз подчеркнем, относится категория «случай», интересующая нас как структурообразующее начало произведения.

Общеизвестно, что добиться полной точности, абсолютного тождества в процессе перевода практически невозможно. На процесс перевода всегда влияют такие факторы, как уникальность, самобытность всякого естественного языка с его особой, неповторимой структурой и багажом, свойственным лишь ему способом определения

окружающей действительности, тем более, когда речь идет о разноструктурных языках. Кроме того, в переводческой деятельности большую роль играют когнитивные и рецептивные особенности самого переводчика, сказывающиеся на его языковых особенностях.

Сопоставительный текстуальный анализ оригинала и перевода при общей характеристике качества перевода требует более конкретного указания не только на достоинства перевода, но и на отдельные его недостатки. Естественно, анализ перевода выполняется не с целью умалить его достоинства, а прежде всего из желания оценить вклад перевода М. Максуда в национальную переводческую школу, которая к середине XX века имела достаточно серьезный багаж. Только Махмудом Максудом были переведены «Кола Брюньон» Романа Роллана, «Фауст» И. Гёте. Им были переведены, кроме «Анны Карениной», также другой роман Л. Н. Толстого – «Война и мир» и некоторые его повести.

В статье при всех достоинствах перевода нас будут интересовать так называемые «переводческие ошибки» вторичного текста романа.

Чтобы приступить к непосредственному анализу двух текстов, обратимся к крупнейшему российскому теоретику переводоведения Вилену Наумовичу Комиссарову.

Так, В. Н. Комиссаров в своем учебном пособии «Современное переводоведение» говорит о двух группах ошибок перевода, «то есть несоответствий содержанию исходного текста, которых, по мнению критика, можно и нужно было избежать» [Комиссаров, с. 148]. Ошибки первой группы классифицируются по степени отклонения от содержания текста оригинала. Вторая группа ошибок «включает всевозможные нарушения нормы или узуса языка перевода: правил сочетаемости слов, грамматических правил, правил орфографии и пунктуации и т. п.». В. Н. Комиссаров отмечает: «Перевод – это всегда создание текста, письменного или устного, и этот текст не должен содержать языковых ошибок, чего переводчику не всегда удается избежать» [Там же, с. 149].

Мы в рамках нашего анализа воспользуемся определениями В. Н. Комиссарова трех типов ошибок в переводческой деятельности, относящихся к первой из выделенных исследователем двух групп ошибок.

К первому типу относятся ошибки, полностью искажающие смысл оригинала. Причина подобного грубого искажения смысла, как утверждает теоретик переводоведения, кроется в неправильном понимании содержания оригинала [Там же, с. 148].

Второй тип ошибок включает всевозможные неточности перевода, не передающие или неправильно передающие какую-то часть содержания оригинала, но не искажающие полностью его смысл. Такие переводы нуждаются лишь в некотором уточнении [Там же, с. 149].

К ошибкам третьего типа исследователь относит все шероховатости перевода стилистического характера, связанные с неудачным выбором слова или громоздким построением фразы и требующие редакторской правки, хотя и не отражающиеся на точности передаваемой информации [Там же].

Переводческая ошибка первого типа закралась в татарский текст произведения в сцене, описывающей появление Константина Левина в здании присутствия – месте службы Стивы Облонского: сцена предваряет первую (случайную для Стивы) встречу двух героев:

До двух часов занятия должны были идти не прерываясь, а в два часа – перерыв на завтрак.

Еще не было двух часов, когда большие стеклянные двери залы присутствия вдруг открылись и кто-то вошел. Все члены из-под портрета и из-за зеркала, обрадовавшись развлечению, оглянулись на дверь; но сторож, стоявший у двери, тотчас же изгнал вошедшего и затворил за ним стеклянную дверь [Толстой, 1991, с. 21].

Фраза «все члены из-под портрета и из-за зеркала, обрадовавшись развлечению, оглянулись на дверь» в предельно лаконичной форме, но при этом очень красочно и наглядно передает всю атмосферу казенного учреждения конца 19-го века, в котором происходят описанные в главе события. Во фразе упоминаются важнейшие и неотъемлемые атрибуты всякого присутственного места в дореволюционной России (*портрет, зеркало*), что позволяет воображению легко нарисовать все внутреннее убранство помещения и представить картину проходящего в нем заседания. В этой же фразе – воплощение характерной для подобных учреждений торжественности, официальности обстановки, здесь же – скрытый намек на некоторую монотонность, рутинность чиновничьей службы.

В татарской версии произведения по причине неточного перевода слова *зеркало* весь этот эффект, если не утрачен полностью, то сильно размыт. Этот эпизод в татарском переводе выглядит так:

Эш сэгать икегә хэтле тоташ барырга, э сэгать икедә иртэнге ашка тәнәфес булырга тиеш иде.

Сэгать ике юк иде эле, присутствие залының зур пыяла ишекләре кинәт ачылып китте дә кемдер килеп керде. Присутствие членнарының барысы да, эштән

бүленеп нәрсә беләндер мавыгу мөмкинлегенә шатланып, портрет астыннан да, көзге артыннан да ишеккә таба карадылар; ләкин ишек төбендәге сторож теге кешене шунда ук куйп чыгарды да артыннан пыяла ишекне ябып куйды» [Толстой, 1960, с. 22].

Очевидно, не поняв до конца назначения слова *зеркало* в приведенном отрывке, автор татарского текста переводит его в первом, основном для этого слова значении – «көзге» («зеркало»). В то же время у этого слова имеются и другие значения. В частности, «зеркалом» в России до 1917 г. называлась «эмблема правосудия, устанавливавшаяся в присутственных местах, в виде увенчанной двуглавым орлом трёхгранной призмы с наклеенными на гранях указками Петра I о соблюдении законности» [Большой толковый словарь русского языка, с. 364].

Примечательно, что и слово *портрет*, обладающее достаточно общим смыслом, оказавшись в предложении по соседству с символизирующим власть «зеркалом», приобретает весьма конкретное значение: пронизательный читатель сразу же догадается, что за этим словом скрывается не что иное, как изображение царя.

Между тем по причине небольшой переводческой погрешности целый ряд описанных выше смысловых нюансов ускользает от татарского читателя. В татарском варианте романа атмосфера присутственного места напоминает скорее обстановку жилища или же какого-нибудь светского салона с картинами, зеркалами и т. д., то есть нарушается пространственная характеристика описываемой ситуации.

К первому типу ошибок, если мы воспользуемся определениями В. Н. Комиссарова, также можно отнести искажение смыслов глаголов при переводе ситуации первой встречи Степана Аркадьича и Константина Левина. Так, Л. Толстой пишет:

Когда дело было прочтено, Степан Аркадьич встал, потянувшись, и, отдавая дань либеральности времени, в присутствии **достал** папироску и **пошел** в свой кабинет. Два товарища его, старый служака Никитин и камер-юнкер Гриневиц, **вышли** с ним [Толстой, 1991, с. 21].

Глаголы *достал, пошел, вышли* переводятся как *кабызып* (деепричастие, образованное от глагола *кабызырга* – ‘зажечь; прикурить’), *керде* (‘зашел, вошел’), *керделәр* (‘зашли, вошли’):

Эш турында укылып беткәч, Степан Аркадьич урыныннан торды да бер кьерелеп куйды һәм, заманасы либералларча булганга, присутствиедә папирос **кабызып**, үз кабинетына **керде**. Ике иптәше, күптән

хезмэт итүче карт Никитин белән камер-юнкер Гриневиç та аның белән **керделәр** [Толстой, 1960, с. 22].

Анализ двух текстов свидетельствует о том, что действия героев в переводе отличаются от действий, описанных в оригинале произведения. У Л. Толстого глагол *достал* говорит о действии, предваряющем имплицитное (подразумеваемое) последующее действие – *закурил* (которое, возможно, произойдет лишь в кабинете, а не в общей зале присутствия). У переводчика деепричастие *кабызып* говорит о действии произошедшем, свершившемся.

Если говорить о глаголе *пошел* у Толстого, то он говорит о действии начатом: герой *не вошел* еще в свой кабинет. Вот это «не вошел» нам очень важно для понимания пространства поступков героя: он до входа в кабинет задает вопрос сторожу, который стоял не в кабинете, не у кабинета, а на входе в присутствие. «*Кто это входил?*» – спрашивает Стива у сторожа. На лестнице, ведущей в присутствие, Стива видит Левина, избегающего по ступенькам, встречает его и уже с ним заходит в кабинет: «*Ну, пойдём в кабинет, – сказал Степан Аркадьич, знавший самолюбивую и озлобленную застенчивость своего приятеля; и, схватив его за руку, он повлек его за собой, как будто проводя между опасностями*» [Толстой, 1991, с. 22].

В переводе на татарский язык глагол *керде* говорит о завершенности действия. В соответствии с этим получается, что Степан Аркадьич разговаривает со сторожем и встречается с Левиным в своем кабинете. Таким образом, в переведенной фразе нарушена последовательность действий героев (Степана Аркадьича, Левина, сторожа, коллег Стивы – Гриневиçа и Никитина). Более того, в результате такого искажения (хронологии действий героев) нарушаются также и пространственные характеристики ситуации, что в совокупности вызывает у читателя татарского перевода романа недоумение и вопросы.

На наш взгляд, более удачным оказался бы следующий вариант перевода этого эпизода:

Эш турында укылып беткәч, Степан Аркадьич урыныннан торды да бер киерелеп куйды һәм, заманасы либералларча булганга, присутствиедә үк папиросын **чыгарып**, үз кабинетына **юнәлдә**. Ике иптәше, күптән хезмэт итүче карт Никитин белән камер-юнкер Гриневиç та **ана ияреп чыктылар**.

Приведем еще один пример переводческой ошибки первого типа. И вновь возьмем эпизод первой встречи Левина и Облонского: встретив на входе в присутствие неожиданно появившегося приятеля, Степан Аркадьич ведет его к себе в

кабинет. За ними следуют и подчиненные Облонского – Никитин и Гриневиç:

– Мы тебя давно ждали, – сказал Степан Аркадьич, войдя в кабинет и выпустив руку Левина, как бы этим показывая, что тут опасности кончились. – Очень, очень рад тебя видеть, – продолжал он. – Ну, что ты? Как? Когда приехал?

Далее у Толстого:

Левин молчал, поглядывая на незнакомые ему лица двух товарищей Облонского и **в особенности на руку элегантного Гриневиçа**, с такими белыми тонкими пальцами, с такими длинными желтыми, загибавшимися в конце ногтями и такими огромными блестящими запонками на рубашке, **что эти руки, видимо, поглощали все его внимание и не давали ему свободы мысли**. Облонский тотчас заметил это и улыбнулся.

– Ах да, позвольте вас познакомиться, – сказал он. – Мои товарищи: Филипп Иваныч Никитин, Михаил Станиславич Гриневиç, – и обратившись к Левину: – Земской деятель, новый земский человек, гимнаст, поднимающий одною рукой пять пудов, скотовод и охотник и мой друг, Константин Дмитрич Левин, брат Сергея Иваныча Кознышева» [Толстой, 1991, с. 23–24].

Из данного отрывка мы видим, что Левин, хотя и дворянин, но сельский житель, большую часть времени посвящающий своему хозяйству, не понаслышке знающий, что такое крестьянский труд, на мгновение теряет дар речи при виде рук Гриневиçа «с такими белыми тонкими пальцами, с такими желтыми, загибавшимися в конце ногтями и такими огромными блестящими запонками на рубашке». Настолько изумляют Левина эти ухоженные руки, никогда не «знавшие» физического труда, что он будто и не слышит заданного ему другом вопроса. Автор подчеркивает далее: «...*эти руки, видимо, поглощали все его* (то есть Левина – А.З.) *внимание и не давали ему свободы мысли*». В этом маленьком эпизоде, описанном Л. Н. Толстым, заключена очень важная и тонкая психологическая характеристика одного из главных героев романа – Константина Левина (а через него и самого Толстого, по мнению многих исследователей, ставшего прототипом этого героя), раскрывающая его отношение к крестьянскому труду, праздной жизни дворянства и др.

В татарском переводе отрывок, описывающий пальцы и запонки Гриневиçа, представлен так:

Левин жавап кайтармады, ул Облонскийның электән таныш булмаган ике иптәшенә, бигрәк тә элгант Гриневиçның кулына карап тора иде, аның

озын бармаклары шундый ак, очлары кәкрәеп килгән сары тырнаклары шундый озын, күлмәк жиңендә ялтырап торган запонкалары шундый зур, – **Левинга бу кешенең бөтен игътибарын шул куллары билидер һәм аңа иркенләп уйланырга мөмкинлек бирмидер кебек тоелды** [Толстой, 1960, с. 25].

Как видно из приведенного отрывка, в татарском переводе происходит нарушение семантики рассматриваемого фрагмента произведения. Субъектом психических познавательных процессов (внимание, мышление) выступает сам Гриневич, чьи руки подробно описывает Л. Толстой. В переводе получается, что эти ухоженные руки поглощают все внимание и не дают свободы мысли самому их обладателю – Гриневичу (а не Левину, как в оригинале произведения).

Причиной возникновения в тексте перевода указанной ошибки послужило неправильное понимание и ошибочная интерпретация переводчиком содержания оригинала. В результате для читателя перевода романа на татарском языке утеряна весьма важная деталь, очень тонко характеризующая одного из главных героев.

На наш взгляд, данный фрагмент можно было бы перевести так:

Левин жавап кайтармады, ул Облонскийның электән таныш булмаган ике иптәшенә, бигрәк тә эlegant Гриневичның кулына карап тора иде, аның озын бармаклары шундый ак, очлары кәкрәеп килгән сары тырнаклары шундый озын, күлмәк жиңендә ялтырап торган запонкалары шундый зур, – бу куллар, күрәсен, аның бөтен игътибарын били, аңа иркенләп уйланырга мөмкинлек бирми иде.

В качестве второго типа ошибок приведем два фрагмента романа (в оригинале и в переводе), в которых описывается вторая встреча Степана Аркадьича с Левиным (случайная для Левина). Встреча сопровождается дружеским диалогом, из которого выделим фразу *на тяге постоять*. Тяга – «весенний брачный полет самца вальдшнепа и некоторых других птиц, отыскивающих самку <...>. Охота на вальдшнепов и некоторых других птиц в этот период» [Большой толковый словарь русского языка, с. 1357–1358]. У Толстого речь идет о конкретном виде весенней охоты на вальдшнепов:

– Что, не ждал? – сказал Степан Аркадьич, вылезая из саней, с комком грязи на переносице, на щеке и брови, но сияющий весельем и здоровьем. – Приехал тебя видеть – раз, – сказал он, обнимая и целуя его, – **на тяге постоять** – два, и лес в Ергушове продать – три [Толстой, 1991, с. 177].

В татарском переводе этот нюанс (характер охоты) утрачен. Охоту на вальдшнепов М. Максуд переводит как *ауда йөрергә*. Семантический смысл этого сочетания достаточно широк. *Ауда йөрергә* означает «быть на охоте» (любой). В татарском переводе романа читаем:

Борынына да, яңагына да, кашларына да пычрак чәчрәгән, ләкин үзе тазалыгыннан һәм күтәрәнке күңеллегеннән балкып торган Степан Аркадьич, чанадан төшә-төшә:

– Көтмәгәнсендер? – диде. – Менә килеп чыктым әле, сине күрергә – бу бер, – диде ул, Левинны кочаклап үбә-үбә, – **ауда йөрергә** – бу ике, Ергушовадагы урманымны сатарга – бу өч [Толстой, 1960, с. 205].

Рассмотрим еще один пример с переводческой ошибкой второго типа. И вновь обратимся к сцене охоты. Вскоре после приезда Стивы в деревню к Левину (вторая встреча героев) приятели отправляются «постоять на тяге», то есть поохотиться на вальдшнепов.

Большой толковый словарь русского языка определяет слово «вальдшнеп» следующим образом: «лесная птица с рыжевато-бурым оперением; лесной кулик» [Большой толковый словарь русского языка, с. 110]. В качестве татарских соответствий слову *вальдшнеп* межъязыковые и толковые словари предлагают слово *талләтәвеч*» [Русско-татарский словарь, с. 53]; [Толковый словарь татарского языка, 1981, т. 3, с. 216] и словосочетания *урман кулигы* [Русско-татарский словарь, с. 53], *урман шөлдие* [Толковый словарь татарского языка, 1981, т. 3, с. 313]. Однако, несмотря на наличие в татарском языке собственных средств, способных адекватно и без потерь передать это значение, переводчик в целом ряде предложений прибегает к татарскому слову *кош* ('птица') с гораздо более общим, то есть гиперонимическим значением. В результате этого татарский текст произведения заметно уступает оригиналу в конкретике и детализации при описании сцен охоты. Перейдем к примерам.

В оригинале читаем:

– Вот он! – сказал Левин, указывая на Ласку, которая, подняв одно ухо и высоко махая кончиком пушистого хвоста, тихим шагом, как бы желая продлить удовольствие и как бы улыбаясь, подносила убитую птицу к хозяину. – Ну, я рад, что тебе удалось, – сказал Левин, вместе с тем уже испытывая чувство зависти, что не ему удалось убить этого **вальдшнепа** [Толстой, 1991, с. 182].

В татарском переводе:

– Менә кошын! – диде Левин Ласканы күрсәтеп, Ласка исә, бер колагын күтәрәп, мамыкланып торган

койрык очын югары күтәрәп болгап, бу рэхәтне озаккарак сузарга теләгәндәй, елмайгандай акрын атлап, үле кошны хужасына китерә иде. – Ну, уңышыңа мин бик шатмын, – диде Левин, ләкин шул ук вакытта ул, **кошны** үзе атып алмаганга күрә, көнләшәп тә куйды [Толстой, 1960, с. 211].

Или же:

Высоко летевший вальдишеп мгновенно сложил крылья и упал в чащу, пригибая тонкие побеги [Толстой, 1991, с. 184]. – *Бик югарыда очып барган кош кинәт кенә канатларын жыйды да, яшь үсентеләрне бөгеп, куе куаклык эченә килеп төште* [Толстой, 1960, с. 212].

Рассмотрим ошибки третьего типа (по В. Н. Комиссарову), связанные с погрешностями стиля.

В одной из глав, описывающих обед в доме Облонских (в рамках третьей встречи Стивы и Левина, состоявшейся во многом благодаря стечению ряда случайных обстоятельств и породившей впоследствии новые случайности), имеются следующие строки, которые дополняют характеристики участников обеда: *Степан Аркадьич, несмотря на свою либеральность, знал, что знакомство с Карениным не может не быть лестно, и потому угощал этим лучших приятелей* [Толстой, 1991, с. 421].

Глагол *угощать* в данном предложении использован в значении «развлечь, занять кого-либо чем-либо; устроить что-либо приятное, необычное» [Большой толковый словарь русского языка, с. 1371] и при этом вступает в подчинительную связь со словом *знакомство*, по отношению к которому является главным.

В татарском языке, по данным межъязыковых словарей, глаголу *угощать* соответствует глагол *сыйлау*. Однако семантика татарского глагола *сыйлау* несколько уже его русскоязычного эквивалента. В толковом словаре татарского языка даются следующие определения лексемы *сыйлау*: 1. «Киң күнеллек, кунакчыллык күрсәтеп, ашарга, эчәргә бирү яки тәкъдим итү; кунак итү» ('Проявив великодушие, гостеприимство, напоить и накормить, предложить еду и питье; принимать гостя(-ей)') (Перевод наш – А.З.); 2. «жәзалау, кыйнау» ('наказывать, бить') [Толковый словарь татарского языка, 1979, т. 2, с. 697]. Употребление глагола *сыйлау* в переносном значении «развлечь, занять кого-либо чем-либо; устроить что-либо приятное, необычное» куда менее свойственно для татарского языка, нежели для русского.

Тем не менее автор татарского текста произведения в процессе перевода прибегнул к буквальному переводу и использовал именно глагол *сыйлау*. Это привело к еще более грубой

переводческой погрешности – переводчик связал этот глагол не со словом *знакомство* ('танышлык'), как это в оригинале, а с именем собственным *Каренин*. В результате рассматриваемое нами предложение в татарском переводе М. Максуда приняло следующий вид: *Степан Аркадьич, үзенең либераллыгына карамастан, Каренин белән танышуның теләсә кем өчен дә зур мәртәбә саналмавы мөмкин түгеллеген белә иде һәм шуңа күрә дә үзенең иң якин дусларын Каренин белән сыйлый иде* [Толстой, 1960, с. 485].

Воображение татарского читателя, у которого слово *сыйлау* ассоциируется прежде всего с едой и питьем, при прочтении указанной фразы способно вызвать совершенно невероятные и несурьезные картины.

На наш взгляд, более удачным оказался бы такой перевод предложения: *Степан Аркадьич, үзенең либераллыгына карамастан, Каренин белән танышуның теләсә кем өчен дә зур мәртәбә саналмавы мөмкин түгеллеген белә иде, һәм шуңа күрә дә шушы танышлыкны оештырып, үзенең иң якин дусларының күңелен күрә иде*.

В качестве еще одного примера со стилистическим недочетом, относящимся по В. Н. Комиссарову к третьему типу ошибок, можно привести отрывок из эпизода, в котором описывается обед в доме Облонских (третья встреча Стивы Облонского и Константина Левина). У Толстого читаем:

Сам Каренин был, по петербургской привычке, на обеде с дамами во фраке и белом галстуке, и Степан Аркадьич по его лицу понял, что он приехал, только чтоб исполнить данное слово, и, присутствуя в этом обществе, совершал тяжелейший долг. Он-то был главным **виновником** холода, заморозившего всех гостей до приезда Степана Аркадьича [Толстой, 1991, с. 420].

В приведенном фрагменте текста наше внимание прежде всего привлекло слово *виновник*, которое согласно Большому толковому словарю русского языка имеет два значения: 1. «Тот, кто виновен в чем-либо», 2. «Тот, кто является причиной, источником чего-либо» [Большой толковый словарь русского языка, с. 131]. Как нетрудно убедиться, в рассматриваемом нами предложении лексема *виновник* реализует свое второе значение. Иными словами, смысл этого предложения состоит в том, что Каренин был **главной причиной, источником** холода, заморозившего (то есть лишившего непринужденности, естественного поведения) всех гостей. В татарском языке двум вышеописанным значениям слова *виновник* соответствуют два различных лексиче-

ских средства: для выражения прямого, основного значения употребляется словосочетание *гаепле кеше* (либо просто слово *гаепле*), второму же значению этого слова соответствует татарское *сәбәнче* (см., например, [Русско-татарский словарь, с. 65]).

Шероховатость стилистического характера проникла в татарский текст по причине того, что переводчик сделал буквальный перевод лексемы *виновник*, и вместо слова *сәбәнче* употребил не совсем удачное в данном контексте словосочетание *гаепле кеше*. Выражение *салкынлыкның төп гаепле кешесе* носит несколько искусственный характер (калькирование) и не совсем отвечает лексическим нормам татарского литературного языка. Выбор же переводчиком словосочетания *гаепле кеше*, очевидно, объясняется тем, что в анализируемом предложении ранее уже было использовано слово *сәбән* ('причина') и ему необходимо было избежать повторения однокоренных слов (*сәбән* и *сәбәнче*). В переводе М. Максуда рассматриваемый нами отрывок представлен следующим образом:

Каренин үзе, Петербурттагы гадәте буенча, дамалар да була торган ашка фрактан һәм ак галстуктан килгән. Степан Аркадьич аның чыраеннан сүзендә тору өчен генә килгәннен һәм шушы кунаклар арасында булу аның өчен авыр бер бурычны үтәү генә икәннен аңлап алды. Степан Аркадьич кайтып килгәнгә кадәр кунакларның **жансыз утыруына сәбән булган салкынлыкның төп гаепле кешесе** дә Каренин иде [Толстой, 1960, с. 484].

На наш взгляд, более удачным стал бы следующий перевод последнего предложения из указанного отрывка: *Степан Аркадьич кайтып килгәнгә кадәр кунакларның киеренке бер халәттә утырырга мәҗбүр иткән салкынлыкның төп сәбәнчесе* дә Каренин иде.

Как показывает сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода романа «Анна Каренина» на татарский язык, во вторичном тексте обнаруживаются как смысловые, так и фактические языковые погрешности. Следуя классификации В. Н. Комиссарова, мы выявили и рассмотрели три типа ошибок. Анализ этих ошибок не говорит, о том, что Махмуд Максуд не выполнил свою главную задачу в качестве первого переводчика. Перед ним прежде всего стояла задача ознакомить татарского читателя с классиком русской литературы. М. Максуд из тех переводчиков, которые следуют законам точного перевода. Наличие отдельных ошибок в тексте перевода не умаляют достоинств проделанной переводчиком работы. Из всего вышесказанного можно только заключить, что всякий пе-

ревод художественного произведения – это процесс, который требует неоднократного обращения к оригиналу. Недочеты первого перевода должны быть устранены в последующих обращениях к оригиналу. Задача каждого последующего обращения – совершенствовать текст перевода. Естественным является то, что текст перевода устаревает, время требует уточнения, корректировки и обновления целого ряда фрагментов в тексте первого перевода романа «Анна Каренина» на татарский язык, выполненного М. Максудом.

Список литературы

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2004. 1536 с.
- Кадыров О. Х. Возвышение. Л.Н. Толстой в татарских переводах советской эпохи. Казань: Казанск. ун-т, 2005. 160 с.
- Кашишаф Г. Культурабызга зур хәзинә // Совет әдәбияты. 1961. – №6. –С. 134 – 139.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС. 2004. 424 с.
- Русско-татарский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. М.: Рус. яз., 1984. 736 с.
- Толковый словарь татарского языка: в 3 томах. Казань: Таткнигоиздат, 1979. Т.2. 726 с.
- Толковый словарь татарского языка: в 3 томах. Казань: Таткнигоиздат, 1981. Т. 3. 832 с.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина / пер. на тат. яз. М.Максуда. Казань: Таткнигоиздат, 1960. Т.1. 552 с.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1991. Т.1. 496 с.

References

- Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* (2004). [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. S.A.Kuznecov. 1536 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)
- Kadyrov, O. Kh. (2005). *Vozyvshenie. L. N. Tolstoi v tatarskikh perevodakh sovetskoi epokhi* [Elevation. L. N. Tolstoy in Tatar Translations of the Soviet Era]. 160 p. Kazan': Kazansk. un-t. (In Russian)
- Kashshaf, G. (1961). *Kul'turabyzga zur khəzinə* [Real Treasures of Our Culture]. *Sovet ədəbiyatı*, 1961, No. 6, pp. 134–139. (In Tatar)
- Komissarov, V. N. (2004). *Sovremennoe perevodovedenie. Uchebnoe posobie*. [Modern Translation Science. A Training Manual]. 420 p. Moscow, ETS. (In Russian)
- Russko-tatarskii slovar'* (1984) [Russian-Tatar Dictionary]. Pod red. F. A. Ganieva. 736 p. Moscow, Rus. iaz. (In Russian, in Tatar)
- Tolkovyi slovar' tatarskogo iazyka* (1979). [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]: V 3 tomakh. T.2, 726 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Tatar)
- Tolkovyi slovar' tatarskogo iazyka* (1981) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]: V 3 tomakh. T.3, 832 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Tatar)

Tolstoi, L. N. (1960). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Per. na tat. iaz. M. Maksuda. T.1, 552 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Tatar)

Tolstoi, L. N. (1991). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. T.1, 496 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

The article was submitted on 04.09.2017
Поступила в редакцию 04.09.2017

Закиров Алмаз Ильдарович,
документовед,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
almaz82@inbox.ru

Zakirov Almaz Ildarovich,
records manager,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
almaz82@inbox.ru